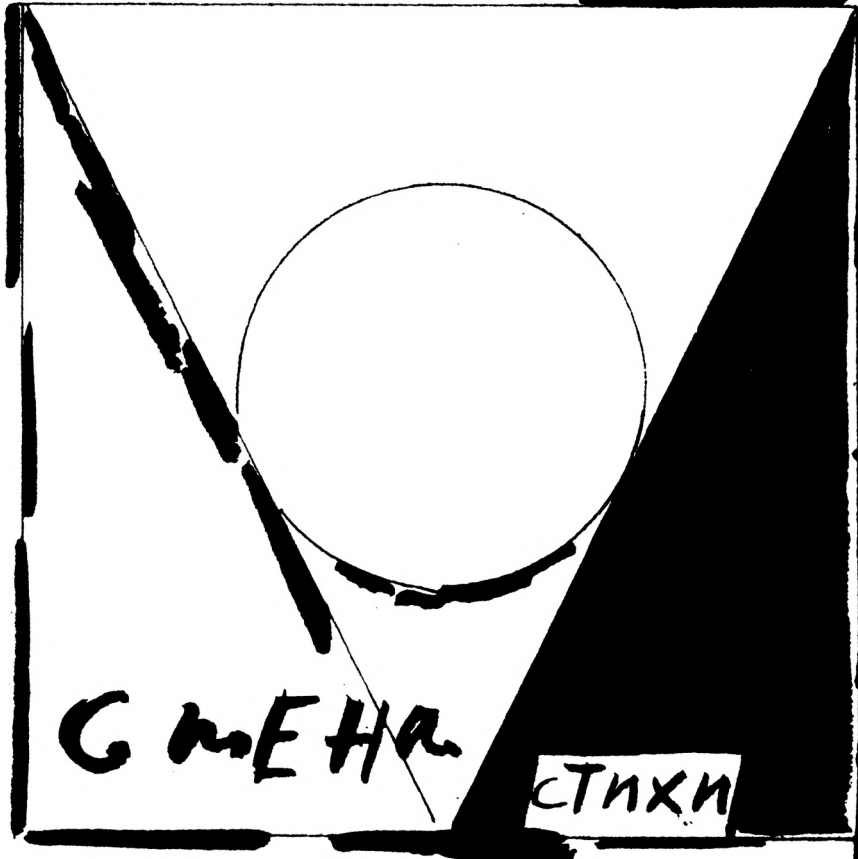

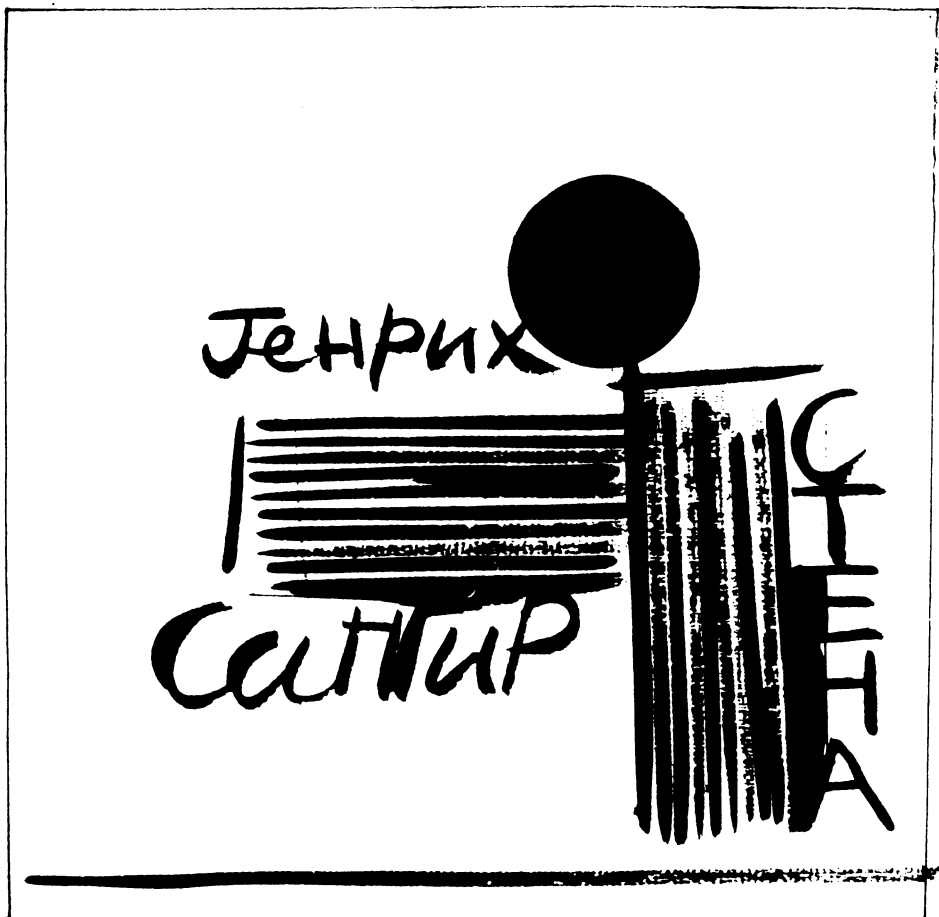
Теплый

САДЛЮ

СМЕНА

СТИХИ

Москва
Издательство
«ПРОМЕТЕЙ»
МГПИ им. В. И. Ленина
1989

ББК 83.3Р7

Сап19

Издание осуществлено за счет средств автора

Сапгир Г. В. Стена. Стихи. М.: Прометей, 1989, 32 стр.

Московский комитет литераторов

С $\frac{4702010202-85}{183(2)-89}$ без объявл.

© Генрих Вениаминович Сапгир, 1989

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

СТАРИКИ

(поэма)

Море
широко набегает на пляж

Волны
трясут бородами
древнегреческих мудрецов
еврейских священников
и старых философов нашего времени

Вот они —
сухие старики
сидят и лежат на белом песке

Девочка подбежала —
бросила песком в Льва Толстого
песок —
сквозь тело
упал на песок

Кто-то прошел сквозь равнина
и сел —
видна половина
прозрачная — равнина
и стена —
чужая темная спина

Лысый похожий на Сократа
глядя на море
сказал: «Мemento мори»

— Что есть истина? —
спросила половина раввина

И пустой Лев Толстой
сказал: «Истина внутри нас»

— Что внутри нас? Только солнце и тень —
возразила другая тень

Зашевелились старики
задвигались
забормотали рассыпая песок
и камни —
рассорились
сердитые бороды
поднялись
и пошли по пляжу —
разбредаются в разные стороны
обнимая людей
деревья
и горы
говорят о жизни и смерти...

Одна борода —
пена
и другая —
пена
остальные — высокие облачка

1963 г.

ЭТЮДЫ В МАНЕРЕ
ОГАРЕВА И ПОЛОНСКОГО

1

Никто! мы вместе только захочу
на финских санках я тебя качу
ты гимназисткой под шотландским пледом
а я пыхтящим вислоусым дедом —
и разбежавшись по дорожкам льдыстым
сам еду на полозьях гимназистом
Мы — отсветы чужие отголоски
мелькают елки сосенки киоски —
и с хода на залив где ветер дует
где рыбаки над лунками колдуют
где мне в лицо пахнет твой волос дымный
не нашим счастьем под луною зимней

2

Снежный ветер дует с белизны залива
рыбаки на льду чернеют сиротливо
Зябко — руки в рукава шинели прячу
и дышу в башлык — иду к нему на дачу
Долго буду там в углу снимать галоши
юной горничной шинель смущаясь брошу
К лампе — к людям — в разговор! — «Хотите чаю?»
за чужой спиной себя на стуле замечаю
и рука с кольцом холеная — хозяйки
чашку мне передает «Возьмите сайки»
Обыск был у Турсиных — все ли цело?
Все сидят наперечет люди дела
Маша теплится свечой — чистым счастьем
и на сердце горячо что причастен

Прочли письмо узнали росчерк
 вот кто иуда кто доносчик!
 Тянули жребий — люди чести
 и тот кому достался крестик
 взял револьвер тяжелый как замок
 кивнул и — в дождь...

Ждал долго... Весь промок

Сюртук тяжелым стал хоть выжми
 но ствол сухим держал подмышкой
 все вглядывался в ночь откуда
 сейчас появится иуда
 все пальцы разминал которые свело
 и все спешил душой пока не рассвело

Еще шел соловей в бледных зарослях мая
 комары уже открыли пляжный сезон
 на заливе
 Ты брился отдувая щеку в зеркало
 подкручивал победные усики
 ты душился начулиями
 и был глубоко и серьезно несчастен

Она шла и шла по чуть заметной тропинке
 расталкивая коленями тяжелый шелк платья
 не хотела слушать никаких объяснений
 и не успевая сам за собой
 ты спешил впереди себя
 за взволнованным демоном цвета морской волны
 даже схватил ее за руку
 нетерпеливо отдернула
 отмахнулась от комара
 локоть заехал тебе в лицо
 было неловко и больно
 она сердилась
 все было кончено

Револьвер был чужой и тяжелый
 как амбарный замок с ключом
 но что делать —
 во всех столичных газетах
 уважающая себя публика
 стрелялась только из американского СМИТА И ВЕССОНА
 и представив себе ее слезы (будешь! будешь!)

допускаю ты застрелился
ведь когда я встал со скамейки
ты остался на ней полулежа
куколкой — раскрытой оболочкой
Колыхаясь на ветру блестящей тканью
шли из Хельсинки длинные фургоны — машины
время здесь пронизывало время
(крики лыжников их быстрые тени)
...и полней блаженство возвратиться
возвратиться
чтобы застрелиться

5

Опять на финских саночках тебя качу качу
и волосы кудрявые щекою щекою
ты в муфте прячешь кроликов — я там и сам живу
полозья наши скрипнули со снега на траву
цветы такие нежные что кисея — внизу
давно по лесу летнему я саночки везу
твои глаза смеются: нет! — и губы как оса
а брови твои ласточкой ширяют в небеса
ныряй сквозь солнце ласточка! взгляни раскоса как
нас под медвежьей полостью уносит прочь рысак
(платок из муфты вынутый нетерпеливо мнут)
мы до моста Елагина доскачем в пять минут
Зажглись электролампочки у Зимнего в саду
тебя из века вашего как прапор я краду

6

Свесил усы и глядит дед
видно что свитер мешком прямо на тело надет
джинсы в бедрах не просто в обтяжку — в облип
взглядом по швам по медяшкам — сразу погиб
тут и причины не надо — молодость — вот и предлог
абрис груди показать — крепость и грацию ног
Смотрит Обломов и Штольц — и Короленко дед
это парнишка из Штатов — настух... двоеполое! бред!

7

Ты меня зовешь взглядом
в какое-то достоевское до-блоковское
дрожки одинокий прохожий
Парголово Павловск Териокки
пустынный вид залива Финского
почти что Эда Баратынского

Ты меня зовешь смехом
парковая статуя под снегом
девичий портрет Маковский Репин
и кумиры: Царь Жорж Санд Тургенев
рассмеялась — и блестят блестят испуганные
так придумал что почти что вспомнил

Твой смех перерастает в кашель
Ну теперь что доктор скажет
мыза кумыс Баден-Баден Ницца
мама брат жених — уйти уединиться
Монашка деловито: «какая красавица»
Жизнь короткая почти как детское платье

8

Твои веки — спящие голубки
и порхают быстрые улыбки
встрепенулись под рубашкой два голубя
и взлетают руки твои голые
так прекрасно что держу пока
третьего меж кружев голубка

Расскажу тебе свой сон откровенно
пусть уводит по руке бледная вена
снилась мне ты с нэпманами лысыми
и не с лысыми — с большими крысами
в мюзик-холле с толстым червяком —
покушал я сам едва знаком

Декорации переменились сразу
раздают тебя солдатам по ленд-лизу
получил брусок тебя — точно масло
спрятать в тумбочку хотел — нет! опасно
уронил искал и сам на месте том
поскользнулся плюх — в тебя... В руку сон!

9

(из Уланда)

Иди ко мне — ты — жизнь моя живая
Уйди — ты — смерть моя — сомлело сердце
Я все что горько жизнью называю
а все что сладко называю смертью

10

«Она его не любила
а он ее втайне любил»
Неужто же все это было?
И век девятнадцатый был?

Мы пугалом сделали атом
мы вызвали нечисть из тьмы
Подумать что с веком двадцатым
уже на исходе и мы

И все же затянем уныло
мы внукам своим из могил
«Она его (жизнь) не любила
а он ее втайне любил»

11

Воронье царство у реки —
крик по верхам орленым
В Кремле латышские стрелки
стреляют по воронам

По выправке военный спец
иду в шинели долгой
Бежишь — и март как леденец —
ты — худенькая с челкой

Нет! мы встречаться не должны
Патруль чернеет у стены
Но обмирает сердце...
В дни революций и войны
любовь мудрее смерти

12

Будда — путник золотой стоял у храма
и бежали дети — вся его охрана
нищенкой лежала на ступенях ты

Сам я — тоже в желтом — стрижен под «нулевку»
с миской белой жести — но просить неловко
если б только пищи — но еще — любви

Стала появляться где и не хочу
 даже в пошлой очереди на прием к врачу
 даже в переполненной утром электричке
 даже на экране — почему-то в бричке
 и хоть непохожа на тебя Алиса Френдлх
 в этой утешительной сказочке для бедных —
 завитки на шее поворот головы
 скорая походка людей деловых
 и что-то довоенное как мятное драже
 обложка мягкой книжки зачитанной уже
 эта статья мальчишеская дерзости брони —
 и странная уверенность что ты нашла меня

На выставке мейсенского фарфора
 вдруг вспоминаешь город который
 отец наш работал на ИСКОЖДЕТАЛНИ
 дважды во время войны угорали
 город который остался деревней
 лишь монастырь — общежитие — древний
 сонный пуховый — зимой и летом
 сидели с контилкой — не баловал светом
 чувствую с детства что-то утратил
 был у меня Сережка — приятель
 однажды гляжу на него и через
 кожу вижу зеленый череп
 главное сам я не испугался
 череп светился и разлагался
 что-то со зреньем (подумал) — но вскоре
 мальчик Сережа умер от кори
 гробик ветер гроза... и сразу
 про всю в ангелочках немецкую вазу —
 я пропускаю года четыре —
 она стояла в московской квартире
 на шпацино достойно и чинно
 но прежний хозяин (я чуял) скотина!

То достаю из прошлого то в настоящем прячу
 то вырву кусок киноплёнки из времени наудачу
 а лучше всего твои лица склеить в виде кольца
 и запустить на монтажном столе — пусть светится без конца

КНИГА ДУХОВ

*«Николаю... аю... аю...»
(приснилось)*

ИКОНА

Глаза поставленные близко —
ты смотришь Николай епископ
со старой треснувшей доски
— О исцели мя от тоски!

Еще со Щепкина знакома
и чудом спасена икона
сквозь грудь по золоту — ожог! —
себя ты оберечь не смог

Храни в пути и на чужбине
Приеду — оботру от пыли...
Не лик московского письма
а там — душа моя сама

Там — свет вселенской благостыни
глаза которые простили
окно взирающее... Верь
что отворяют эту дверь

«Аю... аю... Николаю...
пебо хлеба лено або
стали стыни и пустыни
Николаю... аю... аю...»

* * *

На всем пространстве времени
играют пролетающие духи
но сколько их во времени пространства —
пронизывающих и наше время! —
Вот ветерок подул — волна плеснула —
и распахнулась форточка — сквозняк —
и не успел ты встать со стула —
пронесся рой клубящихся одежд
сквозь комнаты — брыкаясь — и с балкона
уже взлетел в ликующее небо

Я помню девушку — глаза во все лицо
пресиние — болгарка или демон?
Ты для нее — ручей или река —
и сразу видит твой исток и устье
Так духи видят нас наверняка

* * *

Боюсь контакта — помню: не коснусь
Во сне толкает исподволь — проснусь
где б ни был он — из космоса из мглы
летит на мысль — на острие иглы
Бокал с бокалом разлетелись: прозит!
Мурашками с затылка заморозит
беззвучный ток вне разума: «ты есть
но ты — ничто! И потому я здесь»

АРМАГЕДДОН

— В себе что видишь женщина?
— Там алое там золото...
Кинжалы и камзолы там —
идут идут торжественно...

Штаандарты и знамена там —
и грифы и вороны там —
и графы и бароны там —
и нищих миллионы там

Средневековой Англии
подобно это шествие —
и пламенные ангелы
орут как сумасшедшие...

— Еще что видишь женщина?
— Слепые маски бонз —
рты рваные как трещины
и лбы их ярче солнц

Монашки за монголами
блестят ногами голыми —
и зазывает плоть
хватать щипать колоть —

— Что это за нашествие?
— Чье это сумасшествие?
— Здесь Гордость Злость и Лесть
Корысть и Любострастие
Грех со слоновой пастью
и Грех еще клыкастее —
и всех не перечесть...

Летят трубя и каркая —
ты — их добыча жаркая
их приз — игрушка яркая
ты — их дворец и трон
вся боль и унижение
ты — поле их сражения
ты — их Армагеддон

МУУХ

В меоле плавал юный дух Муух
светящимся мяучиком играя —
вдруг увидал как выдумал картину:
пространство ограниченное с трех
сторон — чужого времени резину —
и червячков едва ползущих с края

И удивился юный дух Муух:
неужто этот скудный мир и слизи
есть тоже проявление щедрой Жизни?
Но что они? Что их интересует?
И цветомысли что им там рисуют?..
(мяучик был заброшен и потух)

Ждут ли они рождения сверх-новой
и тоже коллапсировать готовы?
А гонки — гравитации скачки
когда дрожат все мыслимые сферы?!
Нет просто червячки как червячки
их солнце тоже — скромные размеры

Предположить что в этой плоти дух
что правит им божественная Воля
и что один из них легко и просто
вообразил Мууха и присоска!..
Дух пузырьками прыснул из меоля
перепугав каких-то двух дремух

ПРОЛЕТАЯ

Легуры лигаты и длинные змыры
порхающей сеткою молний объяты
и льдистою влагой омыты
пролетали незримо над городом

И вдруг увидали что их увидали
широко расставленные детские глаза
в которых легуры лигаты и длинные змыры
стреляя зелеными молниями
проносились над городом

легуры лигаты и длинные змыры
ринулись вниз на огни и коробки
огни распадались на улицы автомобили —
факелом полыхнул вертолет —
все двигалось — шум вырастал —
ВДРУГ все окунулось в черное масло —
последняя лампочка лопнув погасла

Легуры лигаты и длинные змыры
ходили по крышам карнизам балконам
арбалеты и крылья с крюками волоклись по бетону
громыхало железо

Неохотно светало
На краю небоскреба
навстречу лиловому шару
встал остроголовый Васдука —
дриадон троеклювый
утоная в солнце топазовыми яблоками
детское тело когтил

ВСТРЕЧА

Арух — свободный дух
в горах витая летним утром
однажды встретился с компьютером
Ввысь поднимал эфирный ветер
внизу зиял чернея кратер
летали люди вроде мух

Вынырнув в нашем времени
из своего — из незримого пламени
понял еще не ступив в эту реку:
время принадлежит человеку...
Просторы сознанием своим озарив —
все гладко — загадка — наткнулся на риф

С такой быстротой шла работа отсчета
как будто кто-то наступал кого-то
мчались водопады цифр — шел за валом вал
и педоумеая:
так не ведет себя материя живая —
Арух за ними еле попевал

Арух — свободный дух уразумел итог
Ты слышал как смеются духи?
При ярком солнце крик свиный...
Сходили снежные лавины...
Все небо было в этом смехе —
и времени унес его поток

СТРАЖИ

Там — на страшной высоте
реют сильные линоны
длиннокрылые линоны —
тамнастра и томнасте

Озирает тамнастра
темносиние падины
где восходят саладины
соболея до утра

Там — на страшной высоте
искра хлизнула — блестята
нисходящее стокатто —
и ныряет томнасте

Тамнастра и томнасте —
чутко стрееет эта пара...
только серая лунара
в стороне пройдет как тень

СВЕРШЕНИЕ

Снится снится философера
иных планет
из Виоцара
обещан свет
из Миотура —
прямой ответ
лишь из Мганара —
ни да ни нет

Мы стоим на пустотеле
наши вели и криоли
отражаются в меоле
отражаются в меоле
белым плавятся в этоле

многослойность отражений
имитация движений
отраженья загустели
и стоят на пустотеле

мы устали притворяться —
кугелями повторяться
всеми — лярвы корвы хлишцы
дайте нервы нам и мышцы

Креманцара философера
течет с высот
из Виоцара —
сребристый флет
из Миотура —
живой лесот
а из Мганара —
и да и нет

ТОРОН

1

Она возникла на пустом
песке — пронизанная светом
Хотела женщина — фантом
чтобы Торон забыл об этом

Потом волна ее размывла —
песок и что-то вроде мыла

2

В Торона влюбилась кальмариха двадцатиногая
Торон размышляет себя ею трогая:
если поглядеть по-философски
щупальцы
нежней чем пальцы
а губы — те же присоски

3

Дошел до совершенства бешенства!
Жена всю ночь стреляет уток
а если ночь продолжается 150 суток
есть от чего потерять рассудок
Он вскакивает каждую минутку —
жена «пиф-паф!» кричит в темноту...
Наконец Торон превратился в утку
и она подстрелила его налету

4

Розовая Лямб сказала Торону
— Какая прелесть — большие уши!
Не бойтесь — я ваши уши не трону
глядя на них я думаю о муже
— И как же вы спите?
— Ухо к уху
А между них запускаем муху

5

Приняли таблетки легли в постель
умерли — и началась канитель...
Вышли из больницы — есть в квартире газ
их реанимировали и на этот раз...
На море лодку качала волна —
спасли водолазы — достали со дна...
Русые головки — красавицы обе
И думал Торон
«Это страсть или хобби?»

6

Пирог с начинкою — Торон —
и ум и сто угодий в нем
А для нее —
чья челюсть — бороны зубье
лишь надкусить наискосок
чтобы потек
по подбородку темный сок

7

Решили духи что Торон
приятен им со всех сторон
он словно бабочка порхает
но эта бабочка чихает
на всякий чих
родится дух

8

Умер Торон — превратился в Торонто
Торонто — в трубу
а труба — музыканта
(хотел музыкант переделаться в Канта
но тут же его попросили обратно)

Стал баром барон от несчастной любви
Стал тарой Торон — и поет «с'est la vie»
Реальность сквозит папиросной бумагой
Любую фантазию выужу из
пучины где плаваю вольной навагой
а сам на крючке у кого-то повис

НА СКЛОНАХ ДАКАРАГА

Когда сумеречная наволочь
затопляет каменные скаты
серые граниты Дакарага
лишь вверху сияет полоска —
из туманных пизин и ущелий
на охоту выходят икварки —
верные похиты Дакарага

Длинные ушастые как рыи
темные и быстрые как оги —
то ли силуэт на фоне неба
то ли тень высоко на дороге —
только в горы лучше не соваться
ни охтаннику в рваной кольчуге
ни горцару в голубых окальных латах —
бластеры и трубы не помогут —
молнии отскочут как от камня

Из Агара ехали мордуки
черно-бородатые в металле
ехали шутили хохотали
девушек хватали — обижали
И бежали их черные саддуки
в панцирях и масках шишковатых...
Там в горах — одни пустые скорлупы
там кричат и прядают шпруя
хохлые стервятники — караи

Каменные ядра пролетают —
слишком низко ходят наши луны —
заливая диким белым блеском
серые граниты Дакарага
и тогда сверкают как сапфиры
все три глаза старого икварка —
он стоит среди кустов солярий
и густых колючих астролярий
смотрит не не в небо — дальше — выше

Ждет ли некой вести голубиной
но молчат туманные глубины
хоть бы капля прочертила небо...
Лишь мигает бледный рой мехлушек
и стрекочет у реки лескатта...
Так всю ночь зиять влиять и слушать
чтоб никто — ни люди ни скарабы...
Тайна — это кратер Дакарага
в кратере октаэдр — корабль

ЧУДОВИЩЕ

Запечатан как в банке в тесной каюте
проснулся младший сын и баловень семьи
младший лейтенант из отряда кораблей-ракетоносцев
качнуло — но еще за секунду до этого
наконец

тысячелетия он спал в напластованиях ила
положив свою плоскую мордавицу на скалу —
дакерон порфириносный из семейства кронозавров
из отряда змеевидных — змеегигант
свободен

там высоко-высоко приплясывая на волнах
ходили красивые серые смерти
в них бегали ногастики головастики
в воду роняли стальные рогатые яйца
свободен

Гулкое бум толкнулоловицу
кольца пошли развиваться в глубинную муть
и где-то там лопатое хвостанище
шарахнуло ломая затонувь
свободен от вахты

и младший недоумевая
смотрел на стену — ряд заглупок
рукой оглаживая скалы
где отросла уже щетника
свободен от вас балбесов

(мигал и выл сигнал тревоги)
пошел пошел километровой
шипастый хребтина в зеленой слизи
с шипеньем ввинчиваясь в верхние слои
от бесконечных придинок

и дакерон порфиросный
хватая ртом пустую эту звонкость
по-рыбьи пуча бледные глаза
вдруг увидел какого-то ногастика — в отверстии —

от помолвки

совал ему — конечно угрожал
блестящее — поднос с кофейником
Мыс вытянул свои берега — оконечности
свел и сдавил... а тот уже вывалил язык (музык)

от навязчивой Кэт

услыхав в коридоре мык и гремяк
мичман мотнулся в каюту мл. лейтенанта
отвисла челюсть — на полу стюард ничком
а Дэвид — полосатый волосатый — целится кофейником

от поездки к родителям

Бомс! — водный смерч ударил в небо столбиком
лоханка — океаном! рокабль перехлебнулся!
шпангоут вам в даг! — из туч на морячков
смотрела бабья жабища с ухмылкой —

обязательно к тетке — «Дом на холме»

развратная бугрящаяся в мыле
(так утверждал потом мичман Т. С. Элиот
а не верить ему я не имею причин)
нет нет это не было лицом младшего Дэвида

— Дэвид зачем ты это сделал

Он их давил — по дюжине на коготь
сминал перешибал надстройки переборки
вмиг! — косо перехлестнуло хлябь и свет
ах мозгоножки! успели-таки всадить ему заряд буркет в брюхо

— Десять суток ремня негодяй

Доктор — бледный поднялся с пола показал шприц — пустой
мужчины растерянно смотрели на лежащего — он спал
дакерон порфиросный из семейства кронозавров
из отряда змеевидных — змеегигант

Абсолютно...

ЛАСАНОЧКА

Хрипы гуки хаки смаки
кувырки и запрокиды
раздирающийся кашель
сны снуют по зауглам

пахнет валенками палеными
неуютными продымленными
и покойничками зелеными
а ласаночка тут как тут

Зимою в партизанское убежище —
в землянку гостя приходила
и в хвойном лапнике проделала дыру
Задувало коптилку дневального
там угрелись под шинелями на нарах
а печурка еле-еле (не дымить же в самом деле)
как услышат дымок — понимают намек егеря

под шинель скользнет зверушка будто
дома на полатах спишь под утро
а внизу хозяйка топит печь —
не дышу стараюсь оберечь

«О свинцовой головки грудь
от суровой веревки шею
охраня ласаночка как-нибудь
а уж я тебя горюха пожалею
дам солоки и молоки
от души и млек и соки
лишь избудь все кукараки
и мараки и вараки!..»
Раздирающийся кашель
запрокиды кхуки кхаки...

Спяли под утро наших без шума в лесу
Горная дивизия — егеря из Гарца
лишь чиркают лыжи по снегу все ближе
Сплю но чувствую: волосы теребят коготки
провел ладонью: влажный нос — ласаночка
среди бьетса: выйти выйти... А она уже бежит
с нар по земляному полу — хвост змейсто светится
не знаю что по беспокойство страшное...
Нащупал свой трофейный вальтер — с ним никогда
не расстаюсь...

Как стегануло вдоль схорона —
вот когда нас припекло! —
словно рыбы заплясали на свинцовой сковородке...
А я уж с другого выхода —
Никого — со мной ребята — на снегу зверек пушит —
за кустами угольками...

...по лицу полицай размазывал сопли и кровь
Зачем паренек утирался? Лежит за поленницей дров

...в овине сожгли всех — стариков и детишек тоже
а матерей увели кого помоложе

...часового убили — лицом в розовеющий снег
горло ему перервали — похоже не человек

А живет моя ласаночка
в кудря-мудрявых купырях
в кораморях и шугарях — в овражине
в корневистой скважине
до сердца земли
А выходит из леса на красном закате —
девки на реке — далеко слышно

ОЧЕВИДНОЕ

Ты пошарил глазами — нащупал меня — не увидел
нечто бурое — пыльный мешок — не увидел
коридором прошел — (следом-тенью большой) —
ну! глаза подними — я мелькаю возьми! — не увидел
опусти — на стене — вот я — боком угла —
здесь я — взгляд щекочу — я взбуриться хочу — не увидел
я босой — по воде — на паркете проилепал сейчас
свет! — отбросил его! — заслонил тебя! спас! — не увидел
эта кровь — этот смех — эти алые соки на всех —
голосят зеркала — смуглой рыбкой тела — не увидел
прямо тут — подавились друг другом — но жрут —
и вон там — на балконе — расплавив стекло — тянет мысли
твои из тебя и тепло — не увидел
и на улице там — выпотрошил и заглотал
съели время и воздух — источили и дух и металл — не увидел
им и сумерки — суп, и людишки — ества
в колоссальный желудок в перспективе уходит Москва — не увидел
Так пирует незримое нечистью всей
ты и сам — пирогом и твой разум — кисель не увидел

БОЛШЕВО ЗИМОЙ

Вдруг пространство разъехалось с визгом
и в искристом провале — внизу я увидел себя
шапка-ноги — расплюснутым — близким

...Вечереют снега — я иду на зарю
дачной улицей — прямо в лицо январю —
и оцереясь на ветер себе говорю

Ты которого я не знаю и знал всегда
из какой ты субстанции? — солнце? звезда изо льда?
онемел подбородок — тру!.. а тебя излучает сюда —

Вдруг почувствовал — вспышкой света — к ветру спиной
как ты въехал в меня как знакомишься ты со мной —
и синяя насквозь мой поселок блеснул новизной

Это было: солдат — силуэт, дом и дымка
Так же думал — не думал: мы слиты — мы дышим — одним
я — усатый в дубленке и я — огонек невидимка

В САДУ

(романс)

Алорихи плясали по верхам
и лорхи шалашились и блестели
шуршурики ходили как хотели
по ворохам

Меж тем прошла в лалифе Танаиф
всей решетью боженственно живая...
Сны вижу но ловлю не успевая
лишь тени их

И всякий ржестлик жабо-золотой
и каждый краплик хусткой паутины —
все лишь мазки и зяблики картины
забвенной — той

ПЕСНЯ

Я придумал: олúби ихтáсу
и увидел гнездо и какую-то горную трассу

Я подумал: лагоре эребос
и увидел море автобус

Я услышал: илария лов —
и увидел тень за тканью слов

ПАРАД ИДИОТОВ

Иду. А навстречу
идут идиоты
идиот бородатый
идиот безбородый
идиот воздреватый
идиот большеротый
идиот угловатый
идиот головатый
идиот — из ушей пучки ваты

Идет идиот веселый
Идет идиот тяжелый
Идет идиот симпатичный
Идет идиот апатичный
Идет идиот нормальный
Идет идиот нахальный
Идет идиот гениальный
Идет идиот эпохальный

Одни идиоты прилично одеты
другие — похуже: небриты помяты
Одни завернулись по-римски в газеты
другие — в свои чертежи и расчеты
Иные свой стыд прикрывают зарплатой
иные — ученостью, эти — работой

Большие задачи
несут идиоты
Машины и дачи
несут идиоты
Идет идиот чуть не плача
«Несу я одни неудачи
Жена — истеричка
начальник — дебил
и я — неврастеник
себя погубил»

Идут идиоты — несут комбинаты
заводы научные институты
какие-то колбы колёса ракеты
какие-то книги скульптуры этюды
несут фотографии мертвой планеты
и вовсе невиданные предметы

Идут идиоты идут идиоты
Вот двое в толпе избивают кого-то
Несут идиоты большие портреты
какого-то карлика и идиота

Идиоты честные — как лопаты
Идиоты ясные — как плакаты
Идиоты хорошие в общем ребята
да только идти среди них жутковато

Идиотские песни поют идиоты
идиотские мысли твердят идиоты
и не знают — и знать не хотят идиоты
что однажды придумали их идиоты

Идут работяги идут дипломаты
идут коллективы активы и роты —
и вдоль бесконечной кирпичной ограды
идут идиоты идут идиоты
Играет оркестр «марш идиотов»
Идут — конца нет параду уродов...
И кажешься сам среди них идиотом
затянутым общим круговоротом...
А может быть это — нормально? — природа?
И есть и движение и цель и свобода?
Недаром же лезли на ствол пулемета
как листья осенние гибли без счета...

Так пусть же умру за мечту идиота
с блаженной улыбкою идиота

1970

АНГЕЛЫ СЛЫШАТ

Снизу слышат ангелы в стане Силоам
детское дыхание — предшествование словам

Слышно им как просто думает старик
«Умираю... Вышал снег... Вообще привык...»

Слышат много умных слов но — лишенных смысла —
это человечество маревом повисло

Слово *мир* как слово *миф*
вместо *Бога* — *Благо*
тлеет гноем лопааясь — корчится бумага

и на самом дне слова будто муравьи —
их не слышат ангелы
а всё — о любви

ДАМОН

И эта радость святотатства —
и этот гнев — и это чувство
неправоты и превосходства
как зуб больной уходит в детство —
в присущее тебе уродство
Так! раздувая свары гомон
ручаюсь некий демон Дамон
срезает голову твою
от плеч неслышно отделяет
и приставляет голову свою —
и голова врет брызгает и лает

И приходя в отчаянье «что я делаю?»
зачем? ведь я ее люблю!»
выкрикиваешь оскорбления
и даже «я тебя убью!»
Он хочет крови демон Дамон —
и тут в игру вступает сам он
(полуистлевшие клочки могильной ткани)
«Ах если бы я знал заранее!»
сует ножи предметы в руку
(убей убей мерзавку суку)
в мозгу какое-то облегчение —
(и непременно будет облегчение)
вид жертвы только накаляет —
и на плечах твоих камлает
рогатая башка козла...
Скорей уйди! уйди от зла

СЕКТА

Вот оно — белодеяние
толчеруководяние
чукчегласоговорение
«Войдем в них —
посмеемся над ними»

— Дортен штеен геен меен!
— Факью фак хора пиндуси!
— Чукареку мерикан!
Свят Дух сошел
«Поддай поддай им пару!»

Песьбялка беснопение
огнеглубь черноверчение
— Я всевиж! — Я всездесуд!
«Летим прочь — наскучило»
Кегли — угли падают падают...

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

(икона)

Мария Вебрия
зеленые алыни
очами открытыми
в яблоневом цвету

Мария Надения
одения светлые
купав не касеемо
ходила по саду

Мария Любавия
светение радости
невение длание
голубь прилетел

Где бы ни был: в гостях или дома, в лесу или в городе, в метро — и в кино — и во сне, я прикладываю ухо к незримой стене. И слушаю —

С другой стороны вам незримой стены: бормотание, вскрики, глухая возня... Не люди, не события, не здесь...

Там собрались хранаки на маной, рассорились из-за куска хрыченки. Хранка и хран встали на задние цапки, раздули свои вазыри. Хлещут друг друга хвостами когтистыми, стараются выдрать зеркальца. Хныкочут, как обиженные дети. И брызгаются, как дезодоранты.

Помирил бы я их, успокоил. Покачал и согрел на своих сословенных ладонях. Перелил одну сущность в другую.

Но провожу ладонью — и стена. Ни выступа, ни ручки, ни звонка.

Жена глядит и улыбается: — Ну что за поза? То приседаешь, то встаешь на цыпочки. Ты выставил вперед ладони, оглаживаешь пустоту, как будто здесь стена или стекло. Ты, верно, подражаешь миму? Или это — лечебная гимнастика?

Я улыбаюсь ей, не отвечая. Я слушаю, что — за моей стеной?

Там — шорохи, туманных форм движение...

Там — амроки и вымки и шахры. Они хрустят и трутся друг о друга, то их пронизжет огненным дождем, то налетят и жалят сигофаги. Огромны, как вселенские коровы, и так же кротки амроки и вымки. И между тем небезопасны шахры...

Все время там — своеобразный шорох. Там лопаются капельки, в которых тысячекратно отражен пейзаж. То муравейник, то пчелиный улей, то будто весь из башен городок, а между тем — ни то и ни другое...

Я слышу: тут же рядом, за стеною буль-буль-булькают в каменных колодцах. Высунется гладкий, как ракета. Вдруг раскроется множество сознаний — искривит, перестроит пространство. Снова станет гладким крокотуком. И буль-буль на дно — тянет за собою время, словно липкую сладкую тянучку...

А динамед говорит, говорит — то по-испански, то по-чукчански. Мешает английские слова с древнемогильскими. Узнаю эолийский космический — язык для торжественных случаев, с золотом красный... Говорит динамед, говорит. Бойтся остановиться. Если выговорится — сдохнет сейчас же...

Хранаки, амроки, и вымки и шахры!

Многоязычный динамед, я с вами!

Ведь я рожден под знаком Скорпиона.

Я — близко. Я — сочувственник. Я тоже

Хочу дышать пустыней — звездной пылью —
И на восходе Альфы и Омеги
Всё явственнее быть и насыщаться
Теплом и светом радостной Вселенной!

Но тут — стена. И там — стена. Повсюду. Вплотную —
Я сам — стена, в которой дырки проделаны. Кричу, чтоб от
Напрасно. Не глух, но замкнут. Ключ потерял.

Генрих Вениаминович

САПГИР

СТЕНА

СТИХИ

Художник:

Эдуард Штейнберг

Зав. редакцией

Н. И. Байков

Художественный редактор

Г. И. Максименков

Технический редактор

З. С. Кондрашова

Корректор

В. М. Фидлер

Л 17070. Сдано в набор 9/XI-88.
Подписано к печати 13.02.89. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1.
Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Тираж 3000 экз.
Цена 2 руб. Заказ 2217. Усл. печ. л. 2
Усл. кр.-отт. 1,6 Уч.-изд. л. 2,0

○

*Издательство «Прометей»
МГПИ им. В. И. Ленина
119048, Москва, ул. Усачева, 64*

○

*Типография МГПИ им. В. И. Ленина
129243, Москва, ул. Кибальчича, 6*

Смещение в поэтическом мире Сапгира — не самоцель, не отражение болезненного излома души, а естественный взгляд человека, сохраняющего в себе норму жизни, которая каким-то образом оказалась этой нормой лишена.

АНДРЕЙ БИТОВ, писатель

Сапгир — очень одаренный поэт. Прежде всего бросается в глаза многосторонность его языковых выразительных средств. Это и смелая образность, и мета-метафоризм, и переход материальных категорий в духовные, и параллельное использование различных информационных рядов. Фантазии читателя открывается широчайшее поле..

*ВОЛЬФГАНГ КАЗАК, профессор,
доктор славистики, ФРГ*

Сапгир и его товарищи.. в те годы и помыслить не могли о возможности издать свои «взрослые стихи» и обратились вдруг разом к детской литературе. Так появился новый неожиданный приток свежих сил в литературу для маленьких, талантливый приток, мощный — на волне 60-х годов, вернее, на ее откате.

ЮРИЙ КОВАЛЬ, писатель